

БОЛЬШОЙ НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ

Стефан МАШКЕВИЧ

КИЕВ
1917—1920

Том 1

ПРОЩАНИЕ С ИМПЕРИЕЙ

Харьков
«ФОЛИО»
2019

1.1. Весна надежд (март—июнь 1917)

Хлебный бунт, ставший революцией

Хронология февральской революции хорошо известна. 21 февраля (по новому стилю — 6 марта) 1917 года в столице империи, на Петроградской стороне, начался разгром булочных и мелочных лавок, продолжившийся затем по всему городу. На следующий день сначала в районе Путиловского завода, а затем на всех рабочих окраинах, ходили огромные толпы с криками «Хлеба! Хлеба!»¹.

Бунт, вероятнее всего, остался бы локальным и был бы подавлен, если бы в стране к тому времени не созрела, по словам Ленина, «революционная ситуация»: низы не хотят жить по-старому, верхи не могут управлять по-старому. Но в реальности желание хлеба оказалось той самой спичкой, которая очень быстро подожгла пороховую бочку.

«Верхи», однако, этого поначалу не поняли. На следующий же день Государь Император, получивший заверения от министра внутренних дел в том, что ситуация в столице под контролем, «изволил отбыть в действующую армию» (в ставку Верховного главнокомандующего в Могилёве). Об этом кратко сообщили киевские газеты². На самом же деле пожар в Петрограде разгорался. 23 февраля по старому стилю (8 марта по новому) отмечали День работницы (одно из тогдашних названий этого праздника). Посвященные этому событию антивоенные митинги стали перерастать в массовые демонстрации и стачки. В тот же день в городе появились войска, а на следующий день началась всеобщая забастовка. Еще через день, 25 февраля (10 марта), начали стрелять...

Но в Киеве об этом до поры до времени ничего не знали.

Тысяча двести километров, отделяющие Киев от Санкт-Петербурга, были в ту пору расстоянием гораздо бóльшим, чем в наши дни. Телефон, тем более междугородный, был в зачаточном состоянии, письма шли долго — оставались газеты, получавшие информацию, как правило, по телеграфу. Киевские газеты в те дни исправно печатали сообщения из столицы, но без упоминаний о демонстрациях, забастовках или о чём-либо в таком роде. 24 февраля (9 марта): «За последние дни отпуск муки для пекарен Петрограда производится в таком же количестве, как и прежде. Недостатка хлеба в продаже не должно быть». Правда, буквально рядом, в соседней колонке: «[П]равление Петроградского университета признало заслуживающей всякого внимания

просьбу студентов организовать доставку хлеба им, ибо стояние в хвостах лишает их возможности заниматься в университете»³... Днем позже признали, что в Петрограде имеет место «обострение продовольственного вопроса»⁴ — но не более того.

Киевский адвокат Алексей Гольденвейзер, к чьим интересным воспоминаниям мы не раз будем обращаться, рассказывал, что первым вестником петроградских событий стал для сведущих киевлян биржевой бюллетень петроградского телеграфного агентства. Петроградская фондовая биржа открылась 25 января (7 февраля), после вызванного войной перерыва в два с половиной года⁵. Курсы большинства акций с того момента не падали, а напротив, стремительно шли вверх, так что банки не успевали выполнить запросы клиентов на покупку. Но... «25 или 26 февраля киевляне нашли в своей газете, вместо ожидаемых сведений о последней котировке в Петрограде, — пустое место. Биржи не было — что бы это могло означать?»⁶

26 февраля (11 марта) «Киевлянин» напечатал короткую заметку о том, что накануне в Петрограде не вышли газеты «Биржевые ведомости», «День» и «Русская воля»⁷; на следующий день — еще более лаконичное сообщение: «Сегодня [26 февраля. — С. М.] большинство газет в Петрограде снова не вышло»⁸. Умевшие «читать между строк» наверняка должны были заподозрить неладное. Но о том, что в этот же день, 26 февраля (11 марта), в столице расстреляли демонстрацию на Знаменской площади¹ (около 40 убитых и столько же раненых), на окраинах появились баррикады, а бастовало более трехсот тысяч человек, по-прежнему не было ни слова.

Впрочем, в Киеве чуть было не случился свой «хлебный бунт». Затруднения с продовольствием ощущались и в нашем городе. 22 февраля (7 марта) чрезвычайное собрание Киевской городской думы утвердило правила введения в Киеве карточек на получение хлеба и муки. Зерно и мука, поступающие в город, должны были строго контролироваться и отпускаться по так называемым коллективным карточкам (общезитиям, ресторанам, а также булочным, причем не всем, а лишь тем, которые дадут обязательство выпекать хлеб определенного качества и продавать его по установленной цене). Хлеб, в свою очередь, отпускался по семейным карточкам: для лиц, занятых физическим трудом — 2½ фунта (1022 грамма) в день, для детей до пяти лет — 1 фунт (409 граммов), для всех остальных — 1½ фунта (613 граммов). По желанию вместо полутора фунтов хлеба можно было получить фунт муки⁹. Через два дня, 24 февраля (9 марта), когда в Петрограде было уже неспокойно, киевскому городскому голове сообщили о закрытии хлебопекарни на Паньковских дачах (район современных улиц Эренбурга, Яна, Жилианской). «На этой почве, — сообщал корреспондент газеты «Киевлянин», — населением дачи выражалось крайне резкое недовольство, чуть

¹ Сегодняшнее название — площадь Восстания.

не перешедшее в открытое возмущение». Во избежание эксцессов губернатор (эту должность тогда занимал граф Алексей Игнатьев) попросил исполнявшего обязанности городского головы Федора Бурчака немедленно распорядиться об открытии хлебопекарни на Паньковских дачах¹⁰. На следующий день на собрании владельцев местных пекарен, под председательством того же Бурчака, прозвучало, что «в последнее время хлебные лавки с раннего утра осаждаются большим количеством покупателей, причем ко времени открытия лавок образуются длинные очереди». Похожая проблема возникла в поселке Караваевские дачи: «Муки нет, а хлеба, доставляемого из городских пекарен средствами местного кооператива (35 пудов в день) недостаточно, так как хлеба нужно свыше 100 пудов ежедневно». Председатель общества благоустройства поселка обратился к губернатору с просьбой открыть в районе Караваевских дач городскую хлебопекарню¹¹. На другом совещании, под председательством генерал-лейтенанта Гельмгольца, обсуждались различные пути доставки муки и зерна в город (по Днепру, по железным дорогам) и развозки хлеба по городу (предлагалось задействовать с этой целью городскую трамвай), а также был заслушан доклад о введении карточек: бланки для карточек уже были заказаны и должны были быть готовы через двадцать дней¹².

Хлебного бунта в Киеве не случилось. Наш город накрыло революционной волной из столицы — событиями, положившими конец Российской империи...

Две телеграммы Бубликова

«Однажды вечером, — вспоминал Алексей Гольденвейзер, — должно быть, это было 28 февраля или 1 марта — получилась в Киеве знаменитая телеграмма за подписью Бубликова»¹³.

Более памятен пассаж Михаила Булгакова из очерка «Киев-город», в котором автор обозначает эту же телеграмму в качестве поворотного исторического момента:

Легендарные времена оборвались, и внезапно и грозно наступила история. Я совершенно точно могу указать момент ее появления: это было в 10 час. утра 2-го марта 1917 г., когда в Киев пришла телеграмма, подписанная двумя загадочными словами:

— Депутат Бубликов¹⁴.

Булгаков, однако, ошибся с датой. На самом деле в Киеве получили телеграмму (точнее, две телеграммы) днём 28 февраля (13 марта). Произошло это так.

Александр Бубликов
(1875—1941)

Александр Бубликов, инженер путей сообщения, депутат IV Государственной Думы от партии прогрессистов, участвовал в собрании членов Думы утром 28 февраля (13 марта) 1917 года. Заседание было, как сейчас бы сказали, нелегитимным — ибо к тому времени в Думу поступил Высочайший указ о ее роспуске. Компромисс был невозможен: парламентариям оставалось либо разойтись, либо захватить власть. Промедление, вероятно, означало бы поражение. После долгих дебатов было решено образовать новый орган с длинным названием: «Временный комитет для поддержания порядка и для сношения с организациями и лицами» (в дальнейшем его называли просто «Временный комитет Государственной Думы», иногда опуская и первое слово).

Бубликов хорошо знал, что Министерство путей сообщения обладало собственной телеграфной сетью, не подчиненной Министерству внутренних дел, и настаивал на том, что занять Министерство — прямой путь к власти. В ответ на очередное обращение председатель Думы Михаил Родзянко сказал Бубликову: «Если это необходимо, пойдите и займите!» Тот вынул из кармана написанное воззвание к железнодорожникам и предложил председателю его подписать.

Родзянко прочитал первые слова: «Старая власть пала» и возразил: «Как можно говорить “пала”? Разве власть пала?» Фразу заменили на «Старая власть оказалась бессильной», и Родзянко подписал обращение. Бубликов с трудом получил в свое распоряжение три грузовика с солдатами, сел в легковой автомобиль и поехал в Министерство — брать власть. Его официальным (насколько это слово применимо в той обстановке) титулом стало «комиссар от Временного комитета Государственной думы в Министерстве путей сообщения». Первым делом по прибытии он разослал по железнодорожной сети ту самую телеграмму¹⁵.

Телеграмма. По всей сети. Всем начальствующим. Военная.

По поручению Комитета Государственной Думы сего числа занял Министерство Путей Сообщения и объявляю следующий приказ председателя Государственной Думы:

«Железнодорожники, старая власть, создавшая разруху всех отраслей государственного управления, оказалась бессильной. Государственная Дума взяла в свои руки создание новой власти. Обращаюсь к вам от имени отечества: от вас зависит теперь спасение Родины; она ждет от вас больше, чем исполнения долга, она ждет подвига. Движение поездов должно производиться

непрерывно, с удвоенной энергией. Слабость и недостаточность техники на русской сети должны быть покрыты вашей беззаветной энергией, любовью к родине и сознанием важности транспорта для войны и благоустройства тыла.

Председатель Государственной Думы Родзянко.

28 февраля 1917 г.

Член вашей семьи твердо верю, что вы сумеете ответить на этот призыв и оправдать надежды на вас нашей родины. Все служащие должны остаться на своем посту.

Член Государственной Думы Бубликов.

28 февраля 1917 г., 13 час. 50 мин.¹⁶

В киевском архиве сохранился другой вариант этой же телеграммы¹⁷: текст не очень существенно отличается от вышеприведенного (к примеру, «[Государственная Дума] обращается к вам от имени отечества» вместо «Обращаюсь к вам от имени отечества»), зато существенно отличается подпись: «Министр Путей Сообщения Бубликов». Впрочем, как бы ни назвали чиновника — министром ли, комиссаром ли (большевики впоследствии нарекут министров «народными комиссарами») — речь шла, по сути, об узурпации власти. Сам Бубликов позже признавал, что своими действиями, да и просто фразами о «старой власти», он опережал события. В тот момент исход противостояния еще никоим образом не был ясен. Хотя многие из дислоцировавшихся в столице полков перешли на сторону восставших, царь, вероятно, еще мог бы подавить революцию, вызвав войска с фронта. «Ощути [царь] тогда хотя малейший прилив энергии, — предполагал Бубликов, — и я был бы на виселице»¹⁸. Но Николай II не предпринял ничего, и через два дня монархия в России перестала существовать.

Того же 28 февраля (13 марта), около 3-х часов дня, кто-то из высших чинов управления Юго-Западных железных дорог, располагавшегося по адресу Театральнаяⁱⁱ, 8, начал разговор с Петроградом по железнодорожному телеграфному проводу. Но не успел он сказать несколько слов, как ему предложили прервать разговор и принять срочную телеграмму на имя железнодорожников. Тотчас же и началась передача телеграммы Бубликова. Еще не закончилась ее передача, но первые же фразы («Старая власть <...> оказалась бессильной. Государственная Дума взяла в свои руки создание новой власти») облетели здание управления железных дорог...

Николай II Александрович
(1868—1918)

ⁱⁱ Современное название — улица Лысенко.

«Как большинство русских граждан, и мы получили первое известие о перевороте через телеграмму Бубликова, — вспоминал Гольденвейзер. — <...> Никто не знал, кто такой Бубликов; стали искать его имя в списке депутатов. Но текст телеграммы, включавший первое воззвание Родзянки, не оставлял сомнений в том, что переворот произошел»¹⁹.

Впрочем, не все прекратили сомневаться. Раздавались голоса:

— Не мистификация ли это?

Начальник Юго-Западных железных дорог Э. П. Шуберский распорядился послать запрос в Петроград, дабы проверить подлинность телеграммы. Проверка подтвердила, что телеграмма настоящая. Вскоре была получена еще одна телеграмма от того же Бубликова; ради полноты изложения приведем и ее текст:

Служащие, мастерские и рабочие железнодорожных мастерских!

Наиболее слабое место русских железных дорог — изношенность подвижного состава и переутомление служебного персонала, поистине героически трудящегося без отдыха третий год. Но во имя спасения Родины призываю все-таки напрячь вашу энергию еще сильнее и справиться с ремонтом разрушенного ненормальной работой подвижного состава. Пусть вся ваша трудоспособность, все ваше знание дела направится на разрешение этой важной задачи. Родина смотрит на вас с надеждой. Не поддавайтесь страстям и помните, что нет у вас в руках лучшего способа освобождения Родины, чем безотказная изо всех сил работа. Труд ваш не будет забыт.

По поручению комитета государственной думы Бубликов²⁰.

Так пришла в Киев весть о революции.

Михаил Александрович,
брат Николая II
(1878—1918)

Тотчас же начался, как сейчас бы сказали, «информационный голод». Дело было не только в ограниченных возможностях связи. Тогдашние киевские власти были весьма консервативными и, пока это было возможно, скрывали от своих жителей информацию о событиях в столице. «Тривожне і нетерпеливе вичікування корінних змін, в яким жив Петербург [sic], тільки дуже далекими і слабкими вібраціями віддавались тут», — вспоминал Михаил Грушевский. Первую телеграмму Бубликова вывесили было на железнодорожных станциях, но провисела она недолго: администрация велела ее снять²¹.

Лишь когда события стали абсолютно необратимыми, скрывать их стало невозможно. 2 (15) марта Николай II отрекся от престола в пользу своего брата, Михаила Александровича.

На следующий день Михаил объявил, что примет верховную власть только в том случае, если того пожелает будущее Учредительное собрание, и призвал население подчиниться Временному правительству, образованному Государственной Думой. Оба манифеста — Николая и Михаила — были опубликованы в киевских газетах. Очевидным вопросом было: «Что будет дальше?»

Свобода!

«Вчера [3 (16) марта. — С. М.] был ясный, слегка морозный день. <...> Газеты вышли в обычное время и в обычном виде, но не с обычными для русского обывателя заголовками и телеграммами, — сообщал корреспондент “Киевской мысли”. — Читатели бросались к киоскам, к продавцам газет. Номера газет буквально рвались из рук и здесь же жадно читались. Однако жизнь в городе оставалась в рамках полного порядка и спокойствия»²². Примерно та же картина имела место на следующий день, 4 (17) марта: «Начался день с погони читателей сперва за газетами, затем за выпущенными позже дополнительными телеграммами. У газетных киосков и возле газетных продавцов длинные очереди. Газеты берутся нарасхват, о цене вопроса нет, не спрашивают сдачи — и здесь же жадно газеты читаются и жарко обсуждаются»²³.

Первой и, видимо, главной эмоцией по получении известия о смене власти была радость, эйфория.

Свидетельница киевских событий Марианна Давыдова вспоминала:

Всё как-то закипело[,] заволновалось. На улицах встречались всё смеющиеся[,] довольные лица. У всех моих знакомых, до одного великого князя включительно[,] было только одно чувство — радости и надежды на будущее. Печать освободилась. Какая-то активная суета поднялась везде. Тут группа каких-то людей идут по улице и горланит запрещенную песнь, там идут войска к городской думе для присяги новому правительству... но почему-то на всех штыках привязана красная ленточка... Дальше весело, и почти нахально бегут мальчишки с длинными штыками и где и как могут, сбивают двуглавые орлы на присутственных местах, церквах, музеях...²⁴

«Праздновали — и одновременно боялись поворота событий вспять, даже после отречения царя. Реальной информации по-прежнему было мало. Получаемые телеграммы переписывались, перепечатывались, искажались», — констатировал Гольденвейзер²⁵. По мнению репортера «Киевлянина»:

В связи с событиями последних дней наблюдается в Киеве хотя и сильно повышенное, но очень корректное отношение населения ко всему происходящему. Везде на улицах полный порядок, жизнь города идет

Содержание

От автора	4
1. «СТАРАЯ ВЛАСТЬ ОКАЗАЛАСЬ БЕССИЛЬНОЙ» Временное правительство 2 (15) марта 1917—31 октября (13 ноября) 1917.....	7
1.1. Весна надежд (март—июнь 1917).....	9
Хлебный бунт, ставший революцией	9
Две телеграммы Бубликова.....	11
Свобода!.....	15
Исполнительный комитет.....	18
Комиссары и аресты	23
Советы и большевики.....	31
Центральная Рада.....	35
Праздник Свободы.....	43
Радости и трудности	56
Два Первомая	62
Украинские съезды	67
Киев против Петрограда.....	77
Второй военный съезд.....	87
Первый Универсал: автономия	90
Два правительства	94
Центральная Рада и Киев	98
1.2. Непокойное лето (июнь — август 1917)	103
Проба сил	103
Второй Универсал: соглашение.....	106
Путч полуботковцев: события	111
Путч полуботковцев: кто и зачем?.....	119
Летнее время.....	122
Выборы в думу	127
Стрельба и конфликты	136
Новая дума	142
Корнилов и Киев.....	148
1.3. Горячая осень (август—октябрь 1917).....	155
Осень революции	155
Уход комиссаров	161

Накануне: Петроград	166
Накануне: Киев	169
Парад комитетов.....	173
Раскол.....	178
Дворец и большевики.....	183
«Треугольный бой»: начало.....	188
«Треугольный бой»: окончание.....	195
2. «ОЙ ЩО В СОФІЙСЬКОМУ ЗАГРАЛИ ДЗВОНИ, ЗАТРЕМТІЛИ...».	
Центральная Рада 1 (14) ноября 1917—26 января (8 февраля) 1918	201
2.1. Становление Украины (ноябрь — декабрь 1917)	203
Власть Центральной Рады	203
Новая власть в Киеве	211
Цензура, реквизиции и праздник.....	218
Третий Универсал: УНР	226
После Третьего Универсала.....	235
Всероссийское Учредительное собрание: подготовка.....	245
Всероссийское Учредительное собрание: выборы	254
Кульбиты Совета.....	263
Несостоявшаяся ноябрьская революция	271
2.2. Компромисс невозможен (декабрь 1917 — январь 1918).....	281
Центральная Рада против Петрограда.....	281
Леонид Пятаков: исчезновение.....	301
Леонид Пятаков: расследование.....	306
Новый год: стрельба и церковный собор	313
Украинское Учредительное собрание: выборы	318
Путь к независимости	334
Четвертый Универсал: независимость	348
2.3. Точка невозврата (январь 1918).....	362
Январское восстание: накануне	362
Январское восстание: первый день.....	370
Центральная Рада под пулями.....	378
Воюющий город и его жители	385
Январское восстание: конец	392
Атака Муравьева.....	402
Падение Киева	412
Брестский финал.....	424
Примечания.....	428